

Как-то Март Фролович Китаев объяснил мне, что занимается простым делом: отвечает на вопросы, которые ставит перед ним сцена. Каждый раз заново. Сейчас к 70-летию художника Петербургский музей театрального и музыкального искусства устроил выставку. Работы последних пятнадцати лет собрались вместе, и стало видно, насколько по-разному разбирается с этими вопросительными знаками мастер.

Даже один из самых любимых его авторов — Чехов — каждый раз предстает новым: «Иванов» в Александрин-

жиссер Юрий Грешин): веселая зеленая лужайка и основательный ухоженный дом с колоннами, занимающий всю ширину сцены. Сразу ясно — весь городок это дом Городничего, здесь есть хозяин и он не станет ни с кем делиться властью.

В макете «Горя от ума» (СПб, ТЮЗ, 1995), напротив, проглядывает ощущение смутной драмы. Черный кабинет, бальный зал, из которого дверь выходит прямо на улицу, где холод, метель, чужой неуютный мир. На этом фоне особенно ярко сияет огромная люстра и весело, словно драгоценные камушки, играют великолепные костюмы, придуманные художником Владимиром Фирсом.

Другой мир, проступающий сквозь нынешнюю реальность, присутствует почти в каждой работе Марта Китаева. Белый макет, перебинтованное и загипсованное пространство, внутри которого металл пушек, тележек и пулеметов, а сверху, из прорванного потолка, свешивается гирлянда елочных игрушек. Война и мир. Это эскизы к спектаклю Михаила Левитина «Странствия Билли Пилигрима» по Курту Воннегату (1975).

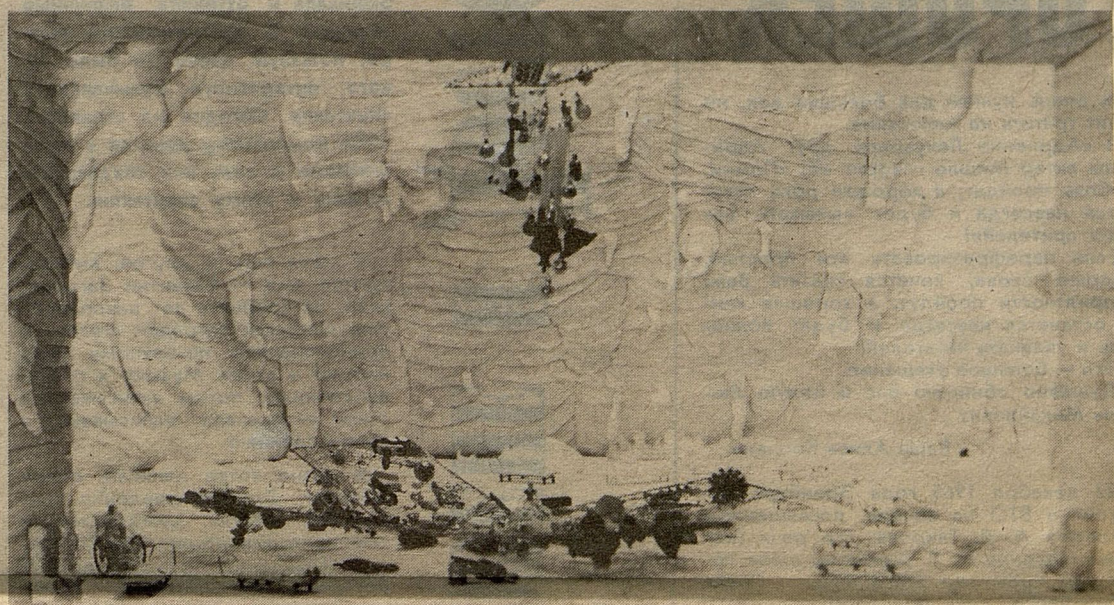
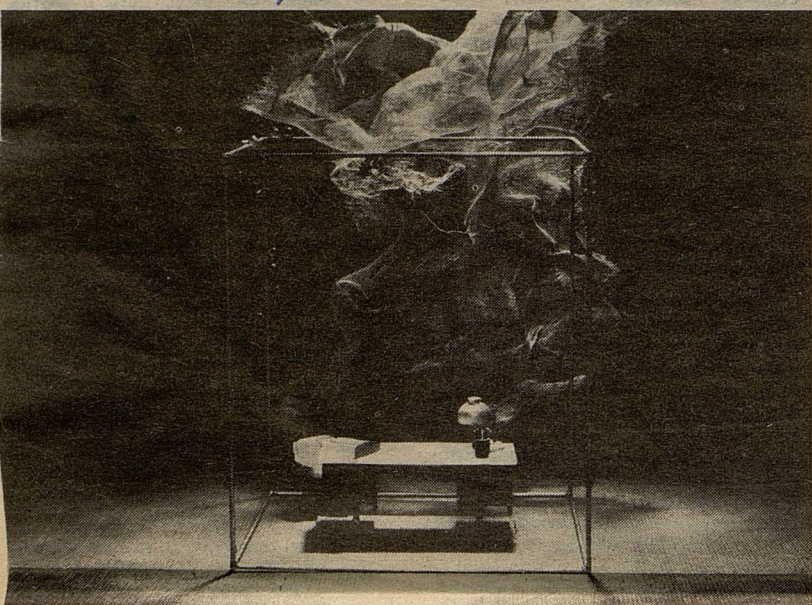
Сквозь полуоблупившуюся фреску собора проглядывают картины далекого прошлого — толпы и лица, кони. Над ними — ангелы. Это эскизы к опере «Борис Годунов» для Театра Старой Загоры (Болгария, 1986).

Старинный город над широкой рекой,

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ СЦЕНЫ

Экран и сцена. — 1995. — 29 июня — 6 июля (№ 25). — С. 16.

ском театре совершенно не схож с «Вишневым садом» в Театре Ленсовета, оба отличны от самых знаменитых — сделанных с Адольфом Шапиро в Эстонии и в Рижском ТЮЗе — чеховских спектаклей.

У выставки два центра, две магнетические точки — словно полюса. Это воздушный, хрустальный, как бы парящий в воздухе град Китеж — макет спектакля Мариинского театра, которому не удалось воплотить на сцене то, что сочинил Китаев. И это уголок Чичикова — макет, эскизы, костюмы, мебель и бутафория из спектакля Александринского театра (где Март Фролович был главным художником) «Похождения Чичикова» (режиссер Николай Шейко). Здесь все реально, крепко, основательно. Видно, что сделано для императорской сцены. И все же, сколь ни различны миры, их объединяет взгляд художника. Образное мышление.

На макете к «Чичикову» — огромная подкова, словно потерянная где-то на просторах российского бездорожья нерадивым кучером Селифаном. Подкова вросла в землю и покрылась, словно мхом, множеством предметов, знакомых нам из поэмы Гоголя: кресла и диваны, буфеты и часы, церкви и часовенки, светильники, колеса, оглобли. И над всем этим провинциальным великолепием парит в воздухе полусломанная бричка. Персонажи — тоже из этого причудливого мира, где быт, как плесень, покрывает все пространство.

Их костюмы, сшитые вроде бы по моде той поры, — щегольские фракы, панталоны, обтягивающие крутые бедра Чичикова и Манилова, жилетки и шейные платки — не живут отдельной жизнью, они в родстве с обивкой мебели, а то и с пейзажем, то с рисунком карт, до которых большим охотником был Ноздрев. Повезло театру, нашедшему такого художника. Но и для художника в этом спектакле было удовольствие — не только от встречи с Гоголем, но и от работы с большими актерами, могикинами Александринки. На эскизах — имена актеров — Толубеев, Адашевский, Борисов, Штыкан.

Совершенно иной Гоголь на свежем, 1995 года, макете к «Ревизору» московского театра имени А. С. Пушкина (ре-

МАСТЕР

С этим замечательным мастером художественного оформления я познакомился четверть века тому назад. Это была встреча свежеспеченного главного художника Академического театра драмы имени Пушкина и режиссера, приглашенного на постановку спектакля В. Тендрякова «Совет да любовь». Я впервые столкнулся с мастером, умеющим соединять, казалось бы, несовместимые фактуры, материалы. Он пробовал все: от открытой, захлащенной предметами и бутафорией сцены в «Мертвых душах» до закрытого пространства в «Детях солнца», где сцена — оркестровая яма. Чуткость к сцене заставляет его всякий раз приспособливаться к особенностям сценического пространства. Он умеет использовать даже неудобства. Пример тому — спектакль по пьесе В. Набокова «Событие» в Театре на Малой Бронной и много ярких спектаклей в Рижском тюзте.

Изъяны сцены Март превращает в достоинства и из этих достоинств возникает решение спектакля.

Март Фролович Китаев — открыватель и основоположник фактур. Его знаменитая леска в спектакле «Вишневый сад», из сплетения которой возникают огромные узлы метафор, плетение кружев в «Детях солнца» Горького и «Царствии земном» Уильямса. А его «Ивановы» — Рижский и Ленинградский — один весь в выюнках, а другой аскетично холщевый, и оба Китаевские, и оба Чеховские. Его кричащее одеяло цвета хаки в «Записках Лопатина» К. Симонова, его пустое пространство с одиноко стоящим автомобилем тридцатых годов в поэтическом произведении «Такая длинная зима...». А коллажи — рижский период. Его бинты, перебинтованная сцена в «Приключениях Билли Пилигрима». Его знаменитые драпировки в «Светит, да не греет» Островского, в «Сказках Гофмана» Оффенбаха.

Арсений САГАЛЬЧИК.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

похожей на Волгу. В этой декорации Островского бы играть, если бы не дымка на дальнем плане, из которой проглядывают коробки нового, спального, района. Это — эскиз к «Чужой ноше» Перикалина. Колдовское озеро, отражающее усадьбу, деревья, незнакомку. Тот же пейзаж зимой: лед озера хранит воспоминания о лете, цветах и листьях, встречах и разлуках. Эти времена года — для невышедшей к зрителю постановки Арсения Сагальчика, одного из постоянных соавторов Китаева, «Светит да не греет» (1986).

Длинный дощатый помост, зависший на сваях над Невой. В темном небе маленькое окошко с колоколом. Это образ «Капитанской дочки», спектакля Ростислава Горяева (Александринский театр, 1984).

Кружевной, искусственный, придуманный женский мир. На белых кружевах — то ли розы, то ли капли настоящей алой крови. Это эскиз к спектаклю Льва Додина «Татуированная роза» (Малый драматический театр, 1977).

Отчего-то последние работы Китаева скупно представлены на выставке. Зато огромный кусок истории нашего театра — 70—80-е отразился в этих макетах и эскизах, словно в том озере из пьесы Островского. Еще помнятся былые раздоры, но теплых, нежных воспоминаний больше. Был театр, и величия в нем было не меньше, чем теперь. Были великие режиссеры и актеры. Художники есть и сегодня.

В театре Олега Табакова вышел спектакль «Последние» — в декорациях Марта Ф. Китаева.

Елена АЛЕКСЕЕВА.

● Март Китаев.

● Макет к спектаклю «Назначение» А. Володина.

● Макет к спектаклю «Приключения Билли Пилигрима» по Курту Воннегату.

● Макет к спектаклю «Горе от ума» А. Грибоедова.

Фото И. Колтуна.

